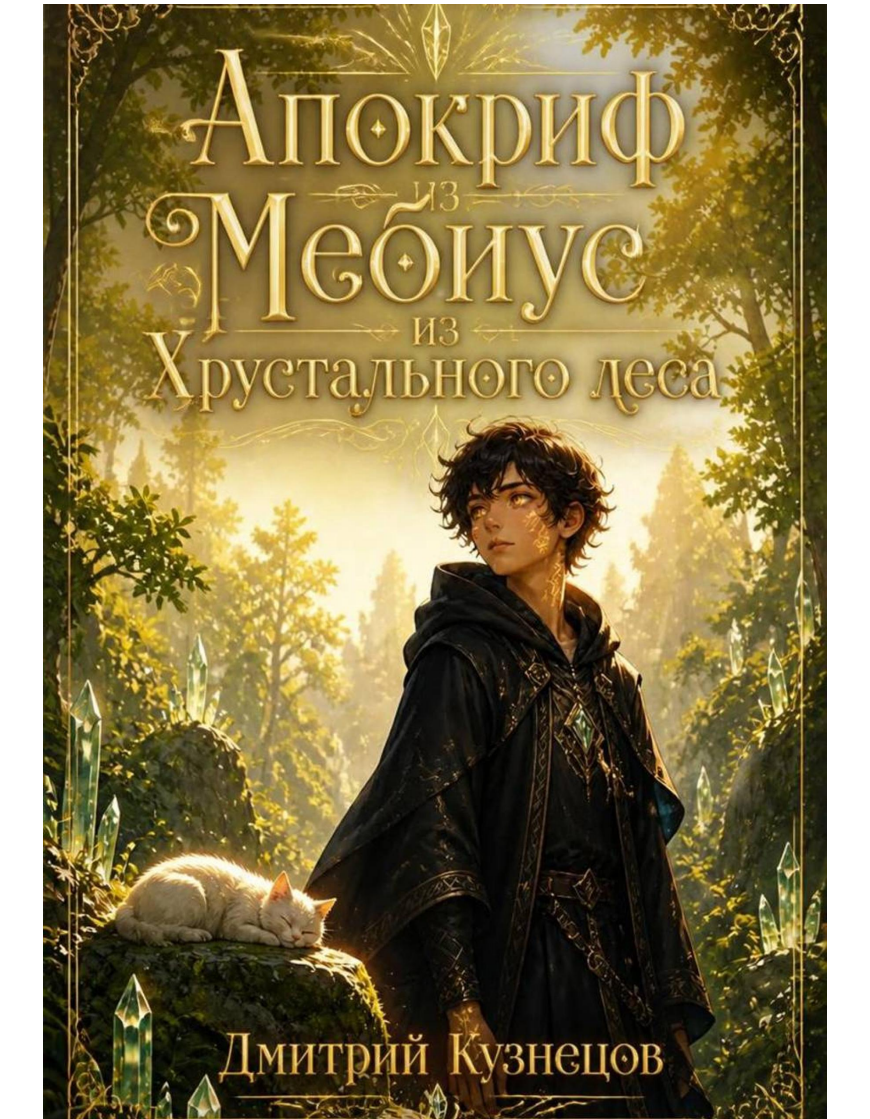

The book cover features a young man with dark, curly hair and golden markings on his face, wearing a dark, ornate cloak. He stands in a sunlit forest with large, glowing green crystals. A white cat is curled up on a mossy rock in the foreground. The title is written in a stylized, golden font at the top.

Апокриф из Мебиус из Хрустального леса

Дмитрий Кузнецов

Кузнецов Дмитрий
Апокриф: Мебиус из
Хрустального леса

<https://litres.ru/74383078>

SelfPub; 2026

Аннотация

История юности некогда безымянного друида, которого принял дом чародеев и воспитал в цивилизованного волшебника.

Содержание

АПОКРИФ Мебиус из Хрустального леса	4
Глава I. Безымянное дитя	4
Глава II. Чужие знаки	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кузнецов Дмитрий Апокриф: Мебиус из Хрустального леса

АПОКРИФ Мебиус из Хрустального леса

Глава I. Безымянное дитя

2134 г. От С.П. Аставир.

Хрустальный лес со времён древнего Аставира был и оставался священным лесом. Аколиты не покидали лес, а Аставирцы не входили туда на охоту. Аколиты были древнейшим народом страны света. Поговаривали, что там и есть исток магии, даже что они были на материке до Таал, до прихода Астравента и даже до Седьмого пекла. «Аколиты» не носили имён — подобно коллективному лесному разуму. Жили очень долго, цикл жизни каждого достигал пяти веков, а может, и больше. Мебиус был единственным за известные эпохи, кто вышел в мир.

Безымянный друид на окраинах Хрустального леса заме-

тил бегущую девушку. Такой красоты за пределами своего дома он никогда раньше не видел. За ней гнались вооружённые люди, и он хотел сохранить такую красоту. Аколит вышел из леса и применил свои таланты: корни и ветви устремились к преследователям, схватили и задушили их. Так произошёл первый случай, когда Хрустальный лес вмешался в дела за его пределами.

Таири, спасённая лесным мальчишкой, оказалась дочерью архимагов из дома волшебников Белого древа — Люри и Мидрайна Харгарденов. Молодая волшебница не знала, как реагировать на тот момент, и он не знал, как разговаривать, — он не умел.

Дом был в недоумении, что кто-то из священного леса откликнулся, вышел и оказал помощь. Мальчик из народа аколитов не хотел возвращаться, он пожелал пойти за ней. Таири была не против и привела его в Феополис. Дом магов воспринял это как знамение, как поддержку, но Мебиус был на тот момент диким, он долго учил всеобщее наречие. Другие говорили, что маги украли дитя леса и Хрустальный лес может за это отомстить, но таких было меньшинство, и их голоса не были слышны. Ингариены были известны как волшебники знамений, а их знамения говорили: юный Мебиус — это дар.

Совет магов того времени — Сайрус Азатум, Милиса Ингариен и Мидрайн Харгарден — дал аколиту имя Мебиус Харгарден. Напористость юной Таири взяла верх. Харгарде-

ны забрали его к себе на обучение и воспитание. А позже, когда Таири и Мебиус повзрослели, то и поженились. И уже спустя пару десятилетий у них явились на свет близнецы — Ивриил и Экзарх.

Спустя пару лет обучения Мебиус начал познавать мир за пределами Хрустального леса. О короле Люмьяне II, а главное — о тех, кто хотел причинить вред Таири. Лжекороль Митайру и лорды-изменники с западных земель хотели свергнуть законную власть того времени. Дом Харгарден был похож на маленькую Вечную Империю современности — там было всего понемногу. Колдуны различных талантов, ремесленники и умные Аставирцы. Главное — дом полностью поддерживал правление Люмьяна II как светлое и разумное. Но главное: в те времена жил сам Ифриш, верховный настоятель Феополиса, прославляющий Пять Наречий Добродетели. Преподобный ясно видел тянущееся зло с запада — голодное и неуёмное. Люмьян II, дом волшебников и инквизиция Феополиса были заодно — против узурпатора и тех, кто хотел радикальных перемен в стране.

Влившись во внешний мир, Мебиус утратил связь со своим народом: те более не воспринимали его как часть леса. Они не были против его посещений, но связи, как раньше, уже не было. Однако сама суть Хрустального леса, сила и магия корня, не отвергла аколита с именем — дары долголетия и магии остались в его жилах.

Мебиус не помнил ничего с момента ухода из Хрустального леса — словно новорождённый. И влюблённый.

Он не проявлял враждебности, редко улыбался, был погружён в книги и совсем не походил на других волшебников. На коже юного волшебника были неведомые знаки — никому не понятная клинопись. Мебиус и сам не понимал, что эти знаки означают.

Друид обучался колдовству, истории и даже искусствам мастера. Цитадель Белого дерева приняла его как необычный дар. Над ним частенько подшучивали — и Харгарден, и Азатумские ученики огня. Ингариенов было немного, а детям дома мастеров Аколит и вовсе казался чем-то занятным.

Архимейстер Итриль и Архимаг Мидрайн совещались о нём без лишних ушей и глаз.

Итриль: Господин Харгарден, у этого дитя не всё в порядке с психикой!

Мидрайн: Что за чепуха? Он вышел из Хрустального леса, словно новорождённый, — разумеется, его ум ещё молод. Хоть ему с виду и лет пятнадцать, а на самом деле, судя по календарю Агоро, — около тридцати. Или пятидесяти... Их народ не контактирует с внешним миром. По крайней мере, в записях ваших предшественников о таком не упоминалось.

Итриль: Верно. А потому мы и понятия не имеем, чего ждать от такого явления. Чума тоже приходит внезапно и пожирает жизнь. Он опасен, скрытен, непредсказуем. Настоя-

щий лесной демон.

Мидрайн: При всём уважении, великий мейстер... Но этот демон, как вы выразились, спас мою дочь и наказал похитителей. Никакой чумы и напастей он с собой не принёс. Хрустальный лес — священное место. Мебиус — это дар! Для нас.

Итриль: И как часто до этого безымянный народ выказывал подобную щедрость? Что за письмена на его коже? Знаете?

Мидрайн: Нет.

Итриль: Нет?

Мидрайн: Нет!

Итриль: Поймите меня правильно, архимаг. Наша работа — во всём сомневаться. Но эти знаки не относятся ни к какому языку вообще. Это наречие не от мира сего. Понимаете? Заклинания на его коже могут означать что угодно, вплоть до Седьмого пекла.

Мидрайн: Зачем вы демонизируете невинное дитя? Архимейстер, это безумие...

Итриль: Мейстеры цитадели видели, как он вёл себя на осмотре. Как дикий зверь.

Мидрайн: Он боялся людей. И уж тем более ему не милы синтельгарские мейстеры... Мне и самому их рожи не нравятся. Он защитил Таири, мою дочь. Остальное не важно. Конечно, он вёл себя необычно... но он быстро учится, осваивает всеобщее наречие. Мы должны кланяться Хрустально-

му лесу и благодарить за дар. Будь на том месте ваш ребёнок, вы бы заговорили иначе!

Итриль: Цитадель окажет ему поддержку в случае надобности.

Мидрайн: Благодарю, архимейстер.

Глава II. Чужие знаки

Однажды несколько юнцов подшучивали над ним, пока тот читал летопись о Шакайской эпохе — о пирамидах и сражениях. Один молодой маг по имени Гвингор щёлкал пальцами, вспыхивая огоньком у самого лица Мебиуса, но тот не обращал на него никакого внимания.

Остальные смеялись и ждали чего-то забавного — и дождались. Аколит перехватил его пальцы, и рука Гвингора начала покрываться корой.

Мебиус: Говорят, огонь — опасная вещь... Ты же умён... Хочешь поджечь цитадель своих предков?

Гвингор не смеялся. Ему казалось, что он сам трескается, как гнилое дерево, и вот-вот рассыплется. Наваждение прекратилось, когда Мебиус отпустил его руку. Смех стих, представление закончилось, и все оставили его в покое.

Все, кроме одной.

Таири Харгарден, дочь архимага Люри — одной из двух глав Белого древа того времени.

Таири: Не злись на них...

Мебиус: Как я могу злиться... Я даже не знаю, кто я. Но пытаюсь понять. Они знают, кто они, а я — нет. Видения ничего не говорят, книги ничего не говорят, и учителя тоже... Словно я не должен быть здесь.

Таири: Ты нужен мне. Ты же спас меня — не помнишь?

Мебиус: Семьи волшебников совсем разные... Что значит быть вами, я пока не понимаю. Я ничего не помню, кроме того луга, тебя и десятка задушенных меченосцев.

Таири: Бабушка и мама знают о том, что ты сделал. Тебе здесь рады, поверь.

Частенько он пропускал лекции и практики, исчезал на несколько дней, и чаще всего его находили в лесах, рошицах и пещерах. Дом Белого древа поначалу испытывал с ним трудности. Люри Харгарден и Сайрус Азатум порой обсуждали его будущее.

Сайрус: Он дик, непослушен, скрытен... Одного из учеников покрыл корой... Чудо, что не сломал ему руку, а то и хуже.

Люри: Сайрус, он дитя пророчества. Он посланник Хрустального леса, мы не можем отвергнуть дар священного леса.

Сайрус: Пророчества... Дары... На западе и без того что-то зреет. Люри, пойми: дары бывают разные — опасные, полезные и бесполезные. Что, если Аколиты пошутили над нами? Они никогда не выходили из своего леса, ни одного упоминания за всю историю... С чего это вдруг? Тиберий из Роншара серьёзно относился к знакам неба... Это понятно... Но когда лес исторг это дитя, никаких знаков не было. Так сказала Милиса. Что, если этот юнец — дикость леса?

Люри: Не будь глупцом. Он дитя коры и камня. Его послали к нам не просто так. Чародей камня и дерева, этот

мальчик станет великим. Народ друидов проявил щедрость к нам, к дому Белого древа.

Сайрус: Знаю, он спас Таири, это чудо... Но за ним нужен присмотр.

Люри: Как и за детьми огня, судя по всему... Пусть мальчика оставят в покое. Огонь и древо — не самое лучшее сочетание.

Сайрус: Я разберусь с новыми правилами поведения и ответственностью за подобное.

Мебиус в одном из своих побегов ушёл дальше, чем когда-либо. Видения тянули его к границам Шакай, где на голой равнине он видел образ высокой белой горы. С того момента он задавался вопросами, когда спустя неделю вернётся обратно.

И его сразу же вызвали к архимагу Сайрусу.

Сайрус: Не знаю, что ты возомнил о себе... Может, всепророком? А может, некромантом?

Мебиус: Нет, господин.

Сайрус: Ты пропустил лекции о временах моровых поветрий... Может, предскажешь всем нам, когда ждать напасти?

Мебиус: Нет, господин... Но зато я видел...

Сайрус: Никого не волнуют видения с Шакайской равнины. Там случилась катастрофа, и злить духов того места — не самая лучшая помощь стране. Знаешь, сколько там однажды сгинуло?

Мебиус: Нет, господин... Простите.

Сайрус: Полмиллиона жизней. Белых мантий, архитекторов, волшебников, некромантов и обычных жителей... Трое небожителей, а ещё — древний дракон, восставший из мёртвых. Из далёкого края, ныне позабытого. Даже такие доброжелательные волшебники, как Люри и Милиса Ингариен, идут через равнину тихо, соблюдая тишину и почтение к тем, кто однажды сражался там.

Мебиус: Я видел там высокую гору из белого камня!

Сайрус: Ты не уважаешь ни живых, ни мёртвых! Священный лес отправил тебя сюда — так научись же слушать кого-то, кроме себя... Мебиус из народа Аколитов.

Мебиус: Да, учитель.

Сайрус: Ладно. Всем уже очевидно, что ты как медведь прёшь вперёд, не думая ни о чём, кроме познаний... Тен-окткль... Да, творение Таал именно там и находилось когда-то. Я не сомневаюсь в твоих способностях, как и никто из цитадели. Думаешь, твоему народу понравится, если страна снова полыхнёт из-за непочтения предков?

Мебиус: Просто... Я не всегда управляю этим. У меня и в мыслях не было.

Сайрус: Разумеется, у тебя не было мыслей! Но было бы неплохо, чтобы они появились — помимо диких желаний.

Мебиус: Да, господин.

Сайрус: Если ещё раз сбежишь без предупреждения, я сделаю всё, чтобы тебя вернули обратно в лес. Если тебя ку-

да-то тянет — сообщи об этом заранее. Мы научили тебя всеобщему наречию, ты выбрал себе имя, Харгардены дали тебе кров... Может, стоит быть благодарнее? Наш дом стар, как пять наречий, мы верим не только в небо, в знамения, в мудрость твоего народа. Ты первый в истории Аколит, который вышел оттуда. Если хочешь что-то знать — спрашивай, а не иди вслепую туда, где может подстерегать смерть.

Мебиус: Да, господин. Благодарю вас.

Сайрус: Возвращайся к занятиям... И прошу тебя, не испытывай милосердие госпожи Люри и моё тоже. А огненных фокусов в исполнении Гвингора или других больше не будет.

Мебиус: По правде говоря, он очень хорош в искусстве пламени... Только, как это... Это слово...

Сайрус: Какое ещё слово?

Мебиус: Чест... Чистый... Часты...

Сайрус: Честолюбивый?

Мебиус: Да, оно. Оно означает превосходство одного перед другими?

Сайрус: Да. Знаю, это не хорошо и не плохо. Это тоже искусство. Если не будешь любить себя, то ты никто. Разумеется, волшебники вроде нас с тобой умеют больше, чем обычные люди. Однако если будешь любить только себя и никого больше, то начнёшь переступать через нужды других и станешь тираном. Ясно? Такое добром не заканчивается. Все мы учимся быть цивилизованными, и тебе стоит обуздать свои дикие способности.

Мебиус: Я понял, учитель.

В тот же день в поместье Харгарден, где жил молодой волшебник, случилось нечто важное.

Поздним вечером, при огоньке свечи, Мебиус пытался вырезать на эбеновой дощечке форму пирамиды. К нему потихому зашла Таири, стремясь сделать сюрприз. Магия тихого шага была её изюминкой, но Мебиус слегка испугался, когда её чуткие руки легли ему на плечи. Нож соскочил, и он поранился.

Таири извинялась и нервничала, хотела перевязать ему руку. Мебиус лишь равнодушно посмотрел на порез, который тотчас начал зарастать. Он не держал ни обиды, ни зла на неё, но в тот миг впервые улыбнулся, глядя на её волнение.

Мебиус: Это так странно. Но эта порода... Она упрямая и непокорная... была. А теперь слушает волю.

Оба молодых волшебника обратили внимание на эбеновую резьбу, на которой осталась кровь. В тот вечер они выяснили свойство тёмной древесины из глуши Тал'Эриона: эбен размягчился и стал послушнее.

Таири: Так вот как древние делали вещи из эбена... А бабушка знает об этом?

Мебиус: Эбен покоряется магии крови? Думаю, такое в цитадели не одобрят. Да и твои родители тоже.

Таири: Инквизиция на взводе в последние недели. Ищут кого-то.

Мебиус: Лучше помалкивать об этом. Спасибо тебе.

Сюрпризом, который Таири ему приготовила, был дневник синамбрийского мастера Шанда, жившего среди Таал в Анпарте как пленник.

Мебиус: Таири, ты сумасшедшая... Ты знала это?

Таири: А ты нет? Все колдуны не от мира сего... Кто-то постоянно убегает в пещеры... Хах... А ещё леса, болота?

Мебиус: Где ты взяла это? У нас будут проблемы?

Таири: Где взяла — там уже нет. Его не хватятся, не волнуйся... Таких журналов много, это не единственный экземпляр.

Глава

III

Дневник Шанда

Изучая рукопись и эскизы пленного мастера, Мебиус начал лучше понимать архитектуру сооружений. Шанд упоминал, что, пока был пленником в городе камня и акведуков, таальские жители были по большей части красноколыми, а на него почти не обращали внимания. Мастера не выпускали за пределы Анпарты и не говорили, чего от него хотят. Он ходил куда хотел, кроме храма неба — там всегда стояла стража с разукрашенными лицами, в одеяниях из шкур, перьев и странных материалов.

Стража с копьями не пускала его в тот храм, но Шанд издали видел его: сооружение походило на плато под открытым небом. Там проводился сбор малого совета правления, а раз

в год — великий совет всей таальской цивилизации.

Однажды на одной из улиц Анпарты Шанд увидел невероятную магию. Молодая семья оживила деревянную птицу: фигурка чайки замахала крыльями и полетела, слетев с рук девы. Синамбрийский мейстер видел разную магию, но подобное в Анпарте было чем-то обыденным. Шанд описал это так: маленькое дитя земли превратилось в дитя неба — с помощью магии этого народа.

Шанд порой сомневался, жив ли он вообще. Однако один из торговцев овощами, Нагдмак Таал, был с ним любезен — один из немногих в древнем городе, кто его замечал и разговаривал на всеобщем наречии. Багрововласый старик давал советы поведения и намекал, что, раз мейстер ещё жив, значит, Таал признали его полезным. Большинство белых мантий, которые сражались против их народа, немедленно отправляли в эбеновую глушь или же на постройку Теноктколя, а что с ними происходило потом, Нагдмак и сам не знал.

Тот старик был обычным торговцем с юга. У Таал, помимо Анпарты, было ещё несколько крупных городов, просто Анпарта была самым процветающим центром. Нагдмак потерял семью на западе, без вести, но не терял веры, что они найдутся живыми. Сказал, что, когда Тенокткль будет построен, её величество Каири станет всеведущей, и тогда все утраты будут возвращены.

Многие Таал в летний цикл спали под открытым небом — и сам Шанд делал так же, что со временем начал находить

великолепным.

Прошло уже почти полгода с тех пор, как меня и дюжину феопольцев схватили. Инквизиторов увели в тот же день, и я их больше не видел. А меня отпустили — в пределах этого города... Зачем я им? За мной всё время ходит высокий муж, такой же багрововласый Таал, как и многие из них. Он не отвечает на мои вопросы и не задаёт их. Думаю, тот старик прав: на западе их называют язычниками и скверной, но я вижу, насколько они разумны, добры друг к другу. Они смотрят в звёзды по вечерам, указывая на созвездия, — они тоже дают им имена, разговаривают с ними. А при свете солнца трудятся до заката, творят волшебство и необыкновенные вещи, каких на севере я никогда не видел: произведения искусства, статуи, фрески, язык, новые сооружения. Они пытаются побороть бедность, создать условия жизни для всех и каждого. И порой, будучи здесь, я думаю... Может, народы Астравента всё ещё дикари? Может, народы запада действительно прокляты — за осквернение Его рукописи? Здесь почти нет пьянства, я уже почти забыл, что такое вино и эль... Они ничего от меня не требуют и не просят, но и не выпускают из города. Зачем я им? Таал поначалу были похожи на дикарей, но... они разумнее многих, кого я знал.

Глубокой ночью, изучая дневник древнего мастера, молодой волшебник с трудом держал глаза открытыми. Он

спрятал дневник и лёг спать.

Ему приснился высокий шпиль из тёмного камня, тысячи строителей и волшебников у подножия. А на месте строительства был построен город — ибо замысел был очень грандиозен, и без города, в котором можно жить, строительство монумента было невозможно.

Когда волшебник проснулся и торопился в цитадель Белого древа, он обдумывал сон и записи Шанда. Между ними не было ничего общего, казалось бы, кроме идеи строительства символа. Едва он начал что-то понимать о Таал, как ему открылось иное: сон о строительстве чего-то иного, а ещё — знак восьми столпов на кольце неизвестного человека.

А тем временем в совете Феополиса обсуждалось нечто иное — угроза с запада.

— Все понимают, что это вопрос войны, но... — Что «но»? Это созревший мятеж. — Впервые за сколько? Пять веков? Шесть? Почему власть Синтельгарда так легко треснула? — Люмьян бежал из Синтельгарда, его спасли — это главное. Это не вопрос трусости или чести. Его застали врасплох, чудо, что он ещё жив. Сейчас это вопрос будущего! Мы должны сплотиться и сокрушить изменников любой ценой! Феополис, Кансарда, Роншар, Шуран сплотятся под единым знаменем!

Сайрус: Вы хотите, чтобы дом Белого древа поддержал поход против изменников?

— Разве вы не часть страны, архимаг Сайрус?

Сайрус: Если всё настолько серьёзно... То я сам пойду в бой, и ещё по меньшей мере двести магов. Но детей в бой не отправит никто! Не будь я Сайрусом Глубоким пламенем. Изменников постигнет пламя, страх и ужас... Если это необходимо для защиты мира.

— Кто поддерживает узурпатора? Сколько домов и лордов с ним заодно? — Сейчас это выясняется. Все вы здесь, чтобы знать об этом. На западе теперь небезопасно. Форты, валы и укрепления прямо сейчас возводятся на границе. Главные дороги будут патрулироваться, проверяться и охраняться. Инквизиция и гвардия Раггарда организуют защиту торговых путей, поиск заговорщиков в Феополисе, Измэере и на юге. Если вам что-то покажется подозрительным — не рискуйте, сообщите об этом напрямую кардиналу Крарху. Пока святая земля не очищена от изменников, никто не в безопасности. Следите за детьми, и особенно за волшебниками: ещё не хватало нам похищений.

А тем временем в цитадели Белого древа Каэриэль из семьи Ингариен показывала обращение с инструментами аксорийских мастеров. Некоторые волшебники хотели стать мастерами — находились особые умы. Мебиус впитывал и эти познания, задавая вопросы.

После той лекции Каэриэль оставила его на несколько мгновений.

Глава

IV

Лавка Шрапеля

Каэриэль: Знаю, Мебиус, твой ум очень... необычный. А потому полезный. Люри и Сайрус в курсе моей небольшой просьбы.

Мебиус: Ох... госпожа, я...

Каэриэль: Не волнуйся, ковыряться в отхожей тебя не заставят. Сходи в лавку Шрапеля: там есть кое-какие аксорийские записи и несколько инструментов. Забери их и отнеси архимейстеру Итрилю. Он ждёт уже несколько дней.

Мебиус: Несколько дней... Почему он ждёт? А что, если их там нет? Или их украли? А может, люди Шрапеля продали их и скажут, что ничего не присылали?

Каэриэль: Может так, а может и не так... Ты особенный ребёнок... Ты видишь прошлое и будущее, а может, ничего не видишь и просто шутишь... Сходи и уладь это. Забери оттуда вещи архимейстера, если они там. Может, он просто забыл отправить гонца.

Мебиус: А если узнаю, что Шрапель — вор?

Каэриэль: Тогда... лучше бы он не позволял своим рукам хватать чужое имущество. Призраки являются ко всем время от времени... Не важно, это тебя не касается. Забери или вернись с пустыми руками. Всё вроде бы просто.

Мебиус: Да, учитель.

Пока юный колдун шёл по феопольскому торговому переулку, запахи и голоса вызывали у него беспокойство. Шум толпы Мебиус очень не любил.

Монетка, выпавшая из чьих-то рук и покотившаяся по земле, заставила его дрогнуть. Он на мгновение замер, следя за её движением. Очарованный маленькой, но целеустремлённой монеткой посреди людского хаоса, он наблюдал, как она вращалась, а затем остановилась ребром под скамьёй.

Его мгновение гармонии прервал дубильщик: он не заметил Мебиуса и, торопясь, сбил его с ног.

— Эй, парень, ты что там, тараканов считаешь?

Мебиус молчаливо поднялся, отряхнулся и пошёл дальше — напрямик к лавке Шрапеля.

Когда он вошёл внутрь, то увидел нечто необычное. Человек в серой мантии схватил владельца Шрапеля и тряс его, явно угрожая или вымогая. Услышав хлопок двери, незнакомец заметил Мебиуса, молча отпустил продавца и ушёл.

Шрапель: О, Мебиус, мальчик мой, заходи.

Мебиус: Господин, что от вас хотел тот человек? Он придурок?

Шрапель: О, твоё наречие становится превосходным. Да, пожалуй, ты прав.

Шрапель нервничал, и Мебиус это чувствовал, разглядывая разные вещи в его лавке. На удивление, тот сразу же достал аксорийские инструменты.

Мебиус: Отлично, архимейстеру это нужно. С вами расплатятся на днях.

Шрапель: Ах, постой. Передай кое-что ещё от меня. Мидрайну Харгардену. Это важно.

Свиток с печатью восьми столпов — у Мебиуса пробежала радостная улыбка, когда он вживую увидел знак из видения.

Мебиус: Господин, что это?

Шрапель: Что-что? Свиток, который запечатан.

Мебиус: Знак на воске...

Шрапель: Думаю, это империя Энгай. Поторопись, будь добр. Сразу беги в цитадель.

Мебиус: Мне стоит сообщить о сером человеке?

Шрапель: Только Ингариенам, прошу тебя, только им...

По дороге обратно, через тот же рынок, он на мгновение остановился, вспомнив о катившейся монете. Вернувшись, он не нашёл её. Разочарованно развернулся — и внезапно уткнулся в высокого человека в сером одеянии, капюшоне и гладкой белой маске со странными знаками, без каких-либо прорезей для глаз, носа и рта.

Знаки, похожие на те, которыми покрыт он сам.

Загадочный тип молчаливо протянул ему монету между указательным и средним пальцами. Мебиус молчаливо взял её, а незнакомец растворился в толпе, подобно призраку.

Это был не аставирский серебряник с лицом Астравента, а иноземная золотая монета с лицом в профиль, прежде Мебиусу неведомая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.